

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

В.В. Ермошин*

Интенсивное обсуждение российско-японских территориальных отношений, которое продолжается последние несколько лет, несомненно, обогатило нас ценными сведениями по ряду исторических, социально-политических и международно-правовых аспектов этих отношений¹. Но, к сожалению, оно не дало ответа на некоторые ключевые вопросы этих отношений и не определило с достаточной ясностью принципиально важные международно-правовые «параметры» указанных отношений. Более того, в отдельных случаях оно увеличило «объем» заблуждений, которые чреваты самыми серьезными последствиями для международных отношений не только в региональном, но и в глобальном масштабе.

* * *

Рассматривая существующую территориальную ситуацию на Дальнем Востоке, многие отечественные и зарубежные, в первую очередь японские, политики и ученые заявляют о том, что она «не урегулирована» до сих пор. Они утверждают, что российско-японские территориальные отношения не опираются на прочную международно-правовую основу, что едва ли не все аспекты этих отношений нуждаются в уточнениях и дополнениях и что окончательные контуры территориального размежевания к северу от Хоккайдо не могут быть определены вне связи с критериями справедливости и законности, как они понимаются в среде этих политиков и ученых.

Наиболее важная группа доводов этих авторов сводится к утверждениям, ставящим под сомнение международную ответственность как один из ключевых институтов международного права. Заявляя о том, что этот институт якобы «противоречит постулатам международного права и общечеловеческим нормам нравственности», олицетворяет собой «эмоциональный» подход к международным делам и что в международной жизни не может быть правил, обяза-

* Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук.

вающих «третью» сторону «соблюдать соглашения, принятые без ее ведома», эти авторы фактически выступают против всей системы соглашений, подводя итоги второй мировой войны, а также против идей и принципов, лежащих в основе регулирования международных отношений².

С нашей точки зрения, эти доводы являются несостоятельными. Они построены на ошибочных представлениях о методах регулирования международных отношений. В частности, в них игнорируется тот факт, что международная ответственность — важнейший атрибут правовых отношений между государствами. Эти отношения и, конечно, само международное право могут существовать лишь в том случае, если законные интересы и права государств пользуются уважением у других членов международного сообщества и если нарушение таких прав и интересов не остается безнаказанным. Именно это условие отличает право от анархии, международные правовые отношения от произвола и, как отмечают юристы-международники, позволяет поддерживать международный порядок, соответствующий интересам государств, которые участвуют в этих отношениях³.

Наряду с выступлениями против одного из важнейших институтов международного права со стороны ряда политиков и ученых, в том числе и отечественных, делаются заявления, направленные на то, чтобы «отделить» Советский Союз от истории применения международной ответственности в отношении Японии. В связи с этим в их рассуждениях на тему о российско-японских территориальных отношениях большое место занимает тезис о необходимости «более объективной» оценки роли и действий СССР в годы второй мировой войны. Сосредоточивая свое внимание на отдельных политических событиях этой войны, некоторые авторы приходят к выводу, что Россия как правопреемник СССР претендует на права и преимущества, которые на самом деле ей не могут принадлежать.

Так, значительная группа авторов старается доказать, что в августе 1945 года Советский Союз начал войну с Японией, не имея на это соответствующих оснований. По их мнению, в этом эпизоде прошедшей войны «СССР... в определенной мере нарушил свои международные обязательства». Он «напал» на Японию и совершил в отношении ее «акт агрессии», не считаясь с тем, как они утверждают, что последняя «оставалась верной» советско-японскому пакту о нейтралитете, заключенному в апреле 1941 года⁴.

В дальнейшем, по словам этих авторов, советские политики продолжили серию ошибок. В вопросе об изменении государственной принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов они «с неприкрытой очевидностью» обозначили цели своих дейст-

вий и показали, что их желания сводились к одному — «обеспечить... внешнеполитические интересы» своей страны (!). При таких данных, продолжают они, «достаточно странно говорить о переходе Курил к Советскому Союзу» как о «мере ответственности» Японии за ее агрессивные действия на международной арене в 30—40-х годах XX в. Более «правильно» рассматривать действия СССР в ином свете — как осуществление «права победителя», как «захват» японской земли или как «одностороннюю силовую аннексию чужой территории» и т.д.⁵

Согласно приведенным суждениям, система соглашений, подводящих итоги второй мировой войны, не должна распространяться на советско- или российско-японские территориальные отношения. Поскольку, с точки зрения этих исследователей, действия СССР против Японии в 1945 году по своему характеру выпадают из общего международно-правового контекста борьбы государств за восстановление международного мира, вопрос о территориальном размежевании между Россией и Японией должен быть решен, так сказать, в отдельном порядке, посредством соглашения, способного отразить своеобразие данной политико-правовой ситуации. По убеждению упомянутых авторов, правительства этих государств должны «урегулировать» свои территориальные отношения через двусторонний мирный договор. Действуя в духе издавна известных решений, когда победитель и побежденный совместно определяют величину вызванных войной территориальных приобретений и потерь, они должны произвести «территориальное размежевание» в соответствии с той системой аргументов, которую в этом случае необходимо учесть⁶.

На наш взгляд, вся эта аргументация лишена заслуживающих внимания оснований. Дело в том, что Красная Армия участвовала в борьбе против Японии законно. Она начала и закончила военные действия против этой державы в полном соответствии с принципами международного права, которые в то время определяли характер международных отношений.

Названные выше и некоторые другие авторы упускают из виду, что заключенный в 1941 году пакт о нейтралитете СССР и Японии был с самого начала недействительным международным актом. Его разработка и принятие явились результатом грубейшего нарушения важнейших принципов, регулирующих отношения между государствами.

Во-первых, в ходе создания этого международного «документа» правительства Советского Союза и Японии действовали вопреки своей обязанности уважать право каждого государства на юридическое равенство, территориальную целостность и политическую свободу. Формулируя условия этого пакта, они нарушили осново-

полагающее требование международного права о суверенном равенстве государств⁷. Дело в том, что эти правительства не имели права без участия Китая определять международно-правовое положение одной из его частей и решать вопрос о том, должно или не должно существовать так называемое государство Маньчжоу-Го⁸. Они не имели права брать на себя «обязательства» в отношении этого «государства» и «гарантировать» те или иные моменты его существования.

Во-вторых, заключение указанного «соглашения» противоречило принципу добросовестного выполнения международных обязательств, поскольку его условия были несовместимы с обязательствами СССР по Статуту Лиги Наций, «пакту Бриана—Келлога», а также договору с Китаем, действие которого к 1941 году еще не истекло.

Согласившись противодействовать политике войн в качестве средства для достижения внешнеполитических целей, правительство СССР не имело права в одностороннем порядке отказываться от этого обязательства и обещать нейтралитет по отношению к агрессивной политике каких-то государств⁹. Обязательство поддерживать мир несовместимо с обязательством занимать нейтральную позицию по отношению к тем, кто, попирая права народов, начинает преступную с точки зрения требований международного права войну¹⁰.

Далее. Дав слово Китаю «воздерживаться от всяких действий и соглашений, которые могли быть использованы нападающим (государством. — В.Е.)... к невыгоде» своего партнера¹¹, Советское правительство было не вправе признавать результаты японской агрессии против китайского народа. Оно не должно было давать обещания Японии «уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го», марионеточного «государства», опиравшегося на японские штыки¹².

Столь же беспочвенны и обвинения Советского Союза в нападении на Японию в 1945 году. Мы имеем в виду утверждения зарубежных и даже отечественных авторов, что СССР якобы начал войну с Японией с нарушением международного права, что его «вступление в войну» в обстановке, когда «Япония не вела агрессивной войны против СССР», «носило весьма двусмысленный характер» и что эта «ошибка» советских политиков не соответствует представлениям о «законности и справедливости» в отношениях между государствами¹³.

Во-первых, нельзя забывать, что СССР по «пакту Бриана—Келлога» обязался не допускать обращения к войне как к «орудию национальной политики». Заключенный в Париже пакт запрещал агрессивные войны и устанавливал, что держава, нарушившая его

запреты, лишалась преимуществ, вытекающих из договора, и превращалась во «врага» «всех остальных сторон», а значит, и во врага Советского Союза¹⁴.

Во-вторых, хорошо известно, что у правительства СССР не было сомнений в том, какой характер носили действия Японии в 30—40-е годы в отношении азиатских государств и США. Оно имело ясные представления об этих событиях и именно поэтому, желая оградить свою страну от опасности, не раз предлагало военным руководителям Японии заключить соглашение о ненападении¹⁵.

Международная практика времен второй мировой войны показала, что концепция «ожидания своей очереди» не встретила поддержки у членов международного сообщества. Помимо Советского Союза в борьбу с Японией с тех же международно-правовых позиций вступили и другие государства. Считая борьбу за восстановление международного правопорядка делом первостепенной важности в условиях вызова международному сообществу со стороны агрессивных держав, подавляющее большинство государств Европы, Азии и Америки в первой половине 40-х годов объявили войну Японии, хотя вооруженные силы последней не нападали на эти государства к моменту объявления войны. Безусловно, это было правильное решение, и оно, как известно, в огромной степени способствовало утверждению международного мира и порядка на Земле.

Отмеченные особенности вступления Советского Союза в войну с Японией в 1945 году дают основания для вывода о том, что представления некоторых политиков и ученых о каком-то обособленном характере советско- и российско-японских территориальных отношений, а также о том, что эти отношения имеют свою политико-правовую «генеалогию», являются ошибочными. Российско-японские территориальные отношения имеют ту же самую международно-правовую природу, что и другие территориальные отношения, возникшие в результате подведения итогов второй мировой войны.

Наряду с этим они указывают на то, что попытки поставить территориальные права СССР и России в зависимость от наличия или отсутствия мирного договора между названными государствами и Японией являются некорректными. Подобные попытки игнорируют тот факт, что для государства-агрессора обязательства могут возникнуть в особом порядке — в результате мер, принятых в связи с агрессией этого государства. Иными словами, согласие или же несогласие государства-агрессора не является определяющим моментом территориальных изменений, наступающих в процессе применения международной ответственности.

И это, по-видимому, справедливо. Если государство-агрессор, осуществляя свои планы, не считается с правами членов международного сообщества, спрашивается: почему последние, пытаясь защитить или же обеспечить свое право на существование, должны выбирать свои меры воздействия в отношении государства-агрессора в зависимости от его согласия или же несогласия с этими мерами? Совершенно очевидно, что подобный образ действий является неприемлемым не только с точки зрения интересов борьбы за восстановление и сохранение международного мира¹⁶, но и с точки зрения обычного здравого смысла, в соответствии с которым действия субъектов международного права не должны противоречить поставленной ими цели¹⁷.

По нашему убеждению, политики и ученые, которые связывают территориальные права России в отношении Южного Сахалина и Курильских островов с мирным договором с Японией, переоценивают значение этого «процедурного» момента. Согласно статьям 77 и 107 Устава ООН, а также решениям, которые были приняты на конференциях в Крыму, Берлине и Сан-Франциско, отсутствие мирного договора между Японией и Россией не означает отсутствия у последней права на владение указанной территорией.

* * *

Большое значение в деле «урегулирования» российско-японских территориальных отношений некоторые политики, юристы-международники и публицисты придают Совместной советско-японской декларации 1956 года. Они рассматривают ее как документ, содержащий условия урегулирования на Дальнем Востоке, которые не потеряли своего значения и в наши дни¹⁸.

С нашей точки зрения, эта декларация не имеет того значения, которое ей пытаются придать. Положения данного документа не являются новой¹⁹ или же еще одной «редакцией» итогов второй мировой войны и не содержат в себе каких-либо формул для разрешения российско-японских территориальных разногласий, о которых упомянутые выше авторы говорят.

Прежде всего, положения этой декларации не дают оснований для вывода о том, что ее участники рассматривали данный документ как средство легитимации территориальной ситуации к северу от Хоккайдо. Судя по содержанию декларации, японская сторона исходила из того, что Советский Союз обладает всеми правами, которые необходимы для того, чтобы распоряжаться Южным Сахалином и Курильскими островами. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении позиции советской стороны, представители которой в это время придерживались взглядов, что вопрос о том,

кому и что именно должно принадлежать около Сахалина и Курильских островов, уже решен²⁰.

Кроме того, из этой декларации следует, что ее положения нельзя рассматривать как попытку пересмотра принципов, составляющих основу соглашений, подводящих итоги мировой войны. Они не содержат ничего такого, что давало бы основание интерпретировать их как выражение нового подхода к решению вопросов, вытекающих из этой войны, включая и вопросы, затрагивающие территориальные права и интересы Японии и СССР.

Декларация 1956 года не является отказом от идеи международной ответственности держав, развязавших вторую мировую войну. В ней нет указаний на то, что в послевоенные годы советские политики как-то иначе оценивали роль Японии в этой войне и считали несправедливыми меры, которые были к ней применены.

Более того, в эти годы, как и прежде, они видели в ней источник опасности для мира между народами и в связи с этим резко критиковали англо-американский проект мирного договора, а затем и договор, заключенный в Сан-Франциско, полагая, что эти документы не отражали угрозу, исходившую от милитаристских кругов этой страны²¹. Именно поэтому в середине 50-х годов они стремились исправить допущенные указанным договором политические «просчеты» и посредством еще одного мирного договора добиться более благоприятных решений в деле обеспечения международного мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе²².

Как известно, в качестве средства воздействия на позицию японского правительства было избрано обещание передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Руководители Советского Союза не делали секрета из того, какие «плоды» они желали получить посредством заключения этого договора. Они открыто призывали японских политиков отказаться от участия в блоках, направленных против СССР, от восстановления военного потенциала их страны, а также от некоторых других внешнеполитических акций, способных, по мнению советских лидеров, вызвать у народов обоснованное беспокойство за дальнейшее развитие международных отношений в Восточной Азии и прилегающих к ней регионах. «Только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии»²³, — заявляли советские политики.

Но руководители Японии отклонили советские предложения о нейтралитете, идеи его гарантий и договора о мире и сотрудничестве между СССР, Китаем, США, Японией и другими государствами и обвинили дипломатов из Москвы в «идеалистических рассуждениях», утверждая, что «в современной международной обстановке»

о нейтралитете «не может быть» и речи. А в 1960 году Япония и США заключили договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности», цели и сфера действия которого, как их определяли комментаторы из Японии и США, еще более усилили беспокойство внешнеполитического ведомства СССР²⁴.

Рассматривая заключение этого договора как существенное изменение позиций правительства Японии, свидетельствовавшее о его отказе учитывать интересы Советского Союза, правительство последнего, в свою очередь, аннулировало данное ранее обещание передать Японии после заключения мирного договора Хабомаи и Шикотан²⁵. Тем самым оно реализовало признанные в наше время права суверенных государств, в частности предусмотренное принципами свободного согласия и равенства государств право последних вступать в соглашения с другими государствами и поддерживать с ними отношения на условиях, которые они считают выгодными и целесообразными для своих интересов.

С нашей точки зрения, из декларации ясно следует, что обязательство²⁶ Советского Союза передать Японии два острова не носило безусловного характера. В отличие от обязательств по Крымскому соглашению 1945 года²⁷, например, передача островов связывалась с осуществлением предусмотренного в декларации условия, и Советское правительство заявляло о своей готовности пойти «навстречу пожеланиям Японии» и учесть «интересы японского государства» в зависимости от заключения советско-японского мирного договора²⁸.

Вместе с тем из Совместной декларации видно, что указанное в ней условие имело политико-правовой, а не хронологический смысл²⁹. Советское правительство постоянно напоминало о характере своих ожиданий и призывало японских политиков отказаться от тех путей, которые могли бы привести к осложнению отношений между государствами Восточной Азии. Однако руководители Японии, зная об этих ожиданиях, на протяжении нескольких лет, с 1956 по 1960 год, маневрировали между возникшими у их страны возможностями, пока наконец не выбрали упомянутый выше договор, заявив при этом, что советские предложения они не могут принять³⁰.

События международной жизни второй половины 50-х годов со всей очевидностью указывают на то, что условие, сформулированное в Совместной декларации, заключало в себе нечто большее, чем согласие правительства Японии на провозглашение долгожданного мира. Ясно, что перед правительством этого государства был поставлен более сложный в политическом и правовом отношении вопрос, чем вопрос о том, подписывать или не подписывать мирный договор с Советским Союзом. Если бы дело состояло лишь в

этом, нет сомнения, договор о мире был бы подписан в то же время и на том же столе, что и Совместная декларация, и, скорее всего, вместо этой декларации.

Факты свидетельствуют о том, что после 1956 года политики Японии стали уклоняться от выполнения условий, на которых настаивала советская сторона. Своими действиями они нарушили консенсус, выработанный в ходе принятия указанной декларации, и таким образом дали основание советскому правительству для отказа от выполнения своего обещания. Согласно договорному праву, если одна из сторон не выполняет свои обязательства и вследствие этого наступают последствия, имеющие существенное значение для осуществления объекта и целей договора, другая сторона вправе отказать от тех обещаний, которые она давала по этому договору³¹.

Оспаривая тот факт, что Совместная декларация накладывала на Японию обязательства, с которыми она должна была считаться в дальнейшем при заключении мирного договора с СССР, и отмечая «недостаточную» силу правовых оснований, ссылаясь на которые Советское правительство отказалось от обещания передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, некоторые авторы говорят об «уникальном» характере «добровольной уступки» «побежденному противнику» «части своей территории» со стороны СССР³². Иными словами, эти авторы говорят о крайне редком для данных случаев сочетании международных обязательств, политической предусмотрительности и надежд на позитивное развитие международных отношений в зоне интересов, так сказать, одного отдельно взятого государства.

С нашей точки зрения, такая интерпретация Декларации 1956 года имеет право на существование лишь в двух случаях: либо советские политики не обладали способностью здраво оценивать международные проблемы и дела и по этой причине предприняли «несоизмеримые» с конкретной политической ситуацией действия, либо они были введены в заблуждение японской стороной. Отбрасывая первое предположение, отметим, что без детального анализа хода советско-японских переговоров в 1956 году трудно сделать вывод об этических аспектах позиции японских представителей³³. По всей видимости, японские руководители просто отказались от альтернативы, предложенной им в Москве, и выбрали совершенно иную, известную теперь перспективу развития своей страны. Именно это и отражает, на наш взгляд, содержание Декларации 1956 года.

Заключение договора между Японией и США привело к тому, что Советский Союз оказался в стратегически проигрышной ситуации. С 1960 года на западе и востоке ему противостояли мощные военно-политические объединения, включавшие в себя все разви-

тые страны мира, в том числе и те, которые развязали вторую мировую войну и пытались (или планировали) осуществить его уничтожение. Несомненно, это было коренное изменение существовавших до этого обстоятельств, и советское правительство отдавало себе в этом отчет, заявляя, что действия правительства Японии «серьезно меняют обстановку на Дальнем Востоке»³⁴. Многолетняя борьба за то, чтобы не допустить участия Японии в коалициях, направленных против СССР³⁵, закончилась неудачей, а концепции мирного сосуществования и планам Н.С.Хрущева и его единомышленников догнать и перегнать капиталистические страны по показателям потребления и промышленного производства был нанесен тяжелый удар. Это изменяло многие принципиальные политические оценки и ориентиры и открывало совершенно иную перспективу отношений и проблем в пределах отдельных регионов и всего земного шара.

Отмеченные особенности советско-японской Декларации 1956 года, а также последовавшие за этим события позволяют прийти к выводу, что апелляция к положениям данного документа в целях обоснования обязанности России передать Японии какую-то часть Курильских островов является беспредметной. Указанная декларация не может рассматриваться сегодня в качестве основания для предъявления территориальных претензий к России³⁶.

* * *

Составной частью значительного числа выступлений в печати по вопросу о российско-японских разногласиях являются суждения и идеи относительно условий их урегулирования. Касаясь этого вопроса, многие отечественные и зарубежные политики и юристы-международники высказываются за улаживание территориальных разногласий между Россией и Японией путем переговоров и заключения мирного договора, посредством судебного разбирательства, а также с помощью инстанций, способных установить «международное управление» «спорной» территорией, по-видимому при помощи ООН³⁷.

К сожалению, давая советы о том, как необходимо рассматривать указанные разногласия, некоторые политики и ученые исходят из неверных предпосылок. Игнорируя ключевые аспекты конкретной политической ситуации и не учитывая при этом перемены, произошедшие в регулировании международных отношений, они выдвигают нередко достаточно спорные и неоднозначные предложения. А это существенно снижает ценность политико-правовых рекомендаций и в ряде случаев делает их осуществление невозможным.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что Япония и Россия не имеют права определять условия послевоенного мира, не считаясь с решениями, которые были приняты членами международного сообщества в целях подведения итогов второй мировой войны. У них нет права перечеркивать международные документы и изменять международные обязательства других государств. В силу принципа суверенного равенства государств, а также принципа добросовестного выполнения международных обязательств эти два государства не имеют права по собственной воле изменять соглашения, заключенные в Каире, Крыму, Берлине и Сан-Франциско в 1943—1951 годах, и в зависимости от своих желаний освобождаться от обязательств, предусмотренных этими соглашениями.

Предложения некоторых, в первую очередь японских³⁸, политиков определить величину территориальных потерь Японии в результате второй мировой войны в рамках двусторонних отношений, с нашей точки зрения, лишены оснований. Россия и Япония не имеют права «кулуарно» пересматривать территориальные итоги этой войны, давая другие оценки роли Японии в этой войне и изменяя объем ее ответственности за действия, которые допустили ее вооруженные силы на международной арене в 30—40-х годах.

Вместе с этим необходимо иметь в виду, что в XX веке права государств не оставались неизменными, особенно по вопросам применения силы и обращения к войне. Принятие «пакта Бриана—Келлога», Атлантической хартии, Декларации о всеобщей безопасности, Устава ООН и некоторых других международно-правовых актов привело к тому, что правовые возможности государств, борющихся за восстановление мира, а также государств-агрессоров претерпели достаточно серьезные изменения. В существенной мере в эти годы изменилась и международно-правовая характеристика договоров, подводящих итоги международных конфликтов и войн.

В результате этих изменений в 1945 году ни Советский Союз, ни какое-либо иное государство³⁹ так называемым правом победителя уже не обладали. Ввиду обязательств по указанным выше актам СССР⁴⁰, как и другие государства, должен был воздерживаться от политики войн, применения силы и аннексий чужой территории. Принятие принципа неприменения силы лишило все государства права увеличивать свои территориальные владения по этому, так сказать, основанию, поскольку из неправа право возникнуть не может и победа, по выражению авторов Устава ОАГ, не дает больше прав⁴¹.

Но, пожалуй, особенно сильно эти изменения отразились на правовом положении государств, совершивших агрессию. Следуя известному правовому постулату о том, что права и преимущества

субъектов зависят от того, как они выполняют свои обязательства, члены международного сообщества при подведении итогов второй мировой войны по-новому определили правовые возможности этих государств. Это выразилось, в частности, в выдвижении идеи ответственности за проведение политики войн; в признании юридической силы «действий» государств, боровшихся за восстановление международного мира, независимо от отношения к ним государств-агрессоров; в определении факторов, влияющих на резолютивные аспекты итоговых документов, исходя из интересов союзных государств; в принятии условий капитуляции за основу поиска окончательных решений; в особом порядке проведения заключительных стадий мирного урегулирования и т.д.⁴²

Вследствие указанных изменений особый статус приобрели и договоры, подводящие итоги международных войн. Эти договоры утратили свойства «обычных» международных соглашений и превратились в специальный случай возникновения международных обязательств. Их отличительная особенность — в том, что они заключаются по поводу грубейших нарушений международного права и распределение прав и обязанностей между участниками договора строится в зависимости от оценок противоправных действий нарушителей мира, а также что его условия подчинены прежде всего и главным образом одной задаче — восстановлению международного мира и обеспечению международного правопорядка. Поэтому, как отмечается в статье 75 Венской конвенции о праве международных договоров, ее положения «не затрагивают никаких обязательств... которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, принятых в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в связи с агрессией со стороны этого государства».

Ввиду этого предложения заключить между Россией и Японией мирный договор без учета конкретной политико-правовой ситуации, исходя из каких-то общих, «вне времени и пространства», критериев «справедливости и законности», являются некорректными. Они представляют собой попытку «уравнять» международно-правовые характеристики сторон, заключающих мирный договор, и устранить различия между теми, кто развязал вторую мировую войну, и теми, кто вел борьбу за восстановление мира и обеспечение условий, необходимых для поддержания международного порядка. Иными словами, эти предложения представляют собой тот взгляд на «проблему заключения мира» между Японией и Россией, с которым последняя едва ли может согласиться.

И наконец, нельзя не коснуться еще одного момента в аргументации поборников «территориального урегулирования» на Дальнем Востоке посредством «особого» российско-японского мирного договора.

Как известно, международное урегулирование может иметь место лишь в том случае, если предмет урегулирования находится в пределах правовых возможностей участников урегулирования⁴³. Результаты урегулирования, в чем бы они ни выражались, не могут порождать международно-правовые последствия, если «конструкторы» систем урегулирования не имеют необходимых для этого прав. Между тем некоторые политики и ученые, по-видимому, полагают, что применительно к определению международно-правового статуса Южного Сахалина и Курильских островов указанное правило не имеет силы. Зная о том, что, согласно мирному договору, заключенному в Сан-Франциско в 1951 году, Япония отказалась «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова» и Южный Сахалин, и утверждая вместе с этим, что права России до сего времени «не получили» международного подтверждения, они, тем не менее, настаивают на «урегулировании» российско-японских территориальных разногласий посредством отдельного мирного договора между Россией и Японией. Данные авторы полагают, что при отмеченном наборе международно-правовых предпосылок это договорное решение будет иметь необходимые последствия и силу⁴⁴.

Суммируя сделанные выше замечания по вопросу «о необходимости урегулирования» российско-японских территориальных разногласий, отметим, что на самом деле в международно-правовом отношении такой задачи не существует. Принимая во внимание документы, разработанные в конце второй мировой войны для подведения ее итогов, в том числе и относительно территориальной ситуации на Дальнем Востоке, Россия не обязана искать пути для урегулирования разногласий, возникших из-за несогласия правительства Японии с территориальными изменениями, произошедшими в результате подведения итогов второй мировой войны.

Дело в том, что предшественник России — Советский Союз — приобрел Курильские острова и Южный Сахалин не по произволу его политических руководителей, а в соответствии с решениями государств, боровшихся против агрессоров, развязавших мировую войну. С согласия своих союзников и действуя на основе этих решений, он не вышел за рамки соответствующих территориальных постановлений и, таким образом, территориальные права Японии не нарушал.

В то же время Япония утратила право на территорию, часть которой⁴⁵ в наше время объявляется предметом спора. Поскольку это государство при заключении мирного договора в Сан-Франциско отказалось «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на южную часть Сахалина и прилегающие к ней острова», то оно лишено права оспаривать данную территориальную ситуацию как в целом, так и в какой-либо ее части.

Следует отметить, что в данном случае высшие органы власти Японии не были жертвами «обманных действий» со стороны СССР, Китая, США, Великобритании или каких-то других государств, принявших участие в процессе мирного урегулирования с 1943 по 1951 год. Ратифицируя мирный договор без оговорок⁴⁶, в условиях, когда они имели возможность сопоставить его положения с фактической ситуацией, японские власти тем самым признали юридическую силу территориальных постановлений этого договора и согласились с существовавшим в то время территориальным размежеванием с СССР.

Как уже отмечалось, в последующие годы Япония не приобрела никаких прав, которые бы давали ей основание добиваться изменения территориального распределения, установленного соглашениями в Крыму, Берлине и Сан-Франциско. Совместная советско-японская декларация 1956 года не предоставляет ей такого рода прав.

С учетом этого разногласия между Россией и Японией относительно государственной принадлежности упомянутой выше территории не являются «спором» в международно-правовом значении этого слова. Нежелание признать юридическую силу международных соглашений не может быть основанием международно-правовых разногласий. Ввиду этого не существует и обязанности у России «разрешить» этот «спор» посредством переговоров, судебной процедуры или каким-либо иным путем. Характер российско-японских территориальных разногласий не дает международным инстанциям права «рекомендовать надлежащую процедуру или методы» их урегулирования, как об этом говорится в главе VI Устава ООН.

По нашему убеждению, существует не «проблема территориального размежевания» между Японией, Россией и другими государствами⁴⁷, а проблема освобождения международных отношений от наслоений эпохи холодной войны. Применительно к этому и другим регионам земного шара подлинная задача заключается в том, чтобы избавиться от тех одиозных решений, которые являются сегодня источником серьезных недоразумений в отношениях между народами крупных и даже великих государств.

Примером подобных решений являются некоторые положения мирного договора с Японией, заключенного в Сан-Франциско в 1951 году. К сожалению, они включают в себя «регулирующие моменты», которые снижают достоинства этого документа и служат питательной почвой для неоправданных заявлений как со стороны отечественных, так и со стороны зарубежных политиков и ученых, в частности для утверждений о том, что ситуация на Дальнем Востоке нуждается в «справедливом» улаживании, что СССР и

Россия «узурпировали» чужие права, что позиция России по «проблеме северных территорий» якобы «является основным препятствием для нормализации» международных отношений, что ее неуступчивость мешает развитию международных отношений и служит причиной международных осложнений и т.д.⁴⁸

С нашей точки зрения, к числу положений этого документа, которые включают в себя решения, обусловленные холодной войной, в первую очередь относятся статьи 2, 8, 23 и 25. Отражая логику непримиримой политической борьбы, которая велась между коммунистическими и некоммунистическими государствами, они содержат ряд особенностей, не совместимых с идеей согласования действий наций в достижении целей, соответствующих их общим интересам.

Пожалуй, самым существенным недостатком отмеченных положений является то, что они произвольно устанавливают круг государств, способных приобрести права и преимущества в связи с восстановлением международного правопорядка в Восточной Азии и прилегающих к ней регионах. Вопреки требованию международного права о последовательном соблюдении юридического равенства государств авторы статей 23 и 25 Сан-Францисского договора в качестве основания для приобретения суверенных прав выдвинули принадлежность к политическим союзам. Включив в статью 23 условие о том, что по указанному договору государство не может получить какие-то права, правооснования и преимущества, если оно «не является союзной державой», творцы этой нормы тем самым предприняли попытку возродить в международной жизни отношения, свойственные идеалам политического равновесия, когда главная задача заключается в продвижении и поддержке политических схем и приоритетов, а не в обеспечении и защите суверенных прав всех без исключения государств⁴⁹.

Причем для обозначения «союзного государства» они предложили критерий, не соответствующий общепринятым политическим и правовым представлениям. Помимо участия «в войне с Японией» это государство должно было без возражений подписать и ратифицировать договор. Лишь в этом случае оно приобретало статус «союзного государства» и соответствующие этому статусу права.

Таким образом, во главу угла определения понятия «союзное государство» были положены не признаки, указывающие на особую форму международного сотрудничества в борьбе за общие цели, а готовность «экзаменируемых» правительств соглашаться с позицией других государств. В итоге получилось, что существенный признак определения был вытеснен искусственно созданным «показателем», который в обстановке произошедшей в мире поляризации политических интересов был более пригоден для целей, которые имели в виду составители проекта договора.

Между тем авторы проекта договора, заключенного в Сан-Франциско, не имели права отступать от общепринятых значений политической и правовой терминологии. Составляя свой проект, они были обязаны руководствоваться постулатами договорного права, согласно которым употребление терминологии должно подчиняться правилам международных отношений, отражающим интересы всех сторон. Поскольку это касается содержания международных обязательств, составители проекта должны были следовать тем значениям терминологии, которые соответствуют существующим в международной жизни представлениям⁵⁰.

Следствием указанного определения стало искажение картины событий, имевших место в годы второй мировой войны. Несмотря на то что он участвовал в войне с Японией, согласно договору, заключенному в Сан-Франциско, Советский Союз лишился «облика» «союзного государства» и в силу этого «выпал» из числа государств, способных приобретать права и преимуществ по условиям этого договора. Неточности в интерпретации фактов и событий стали, таким образом, причиной ошибочных решений при определении статуса и правовых возможностей одного из самых активных борцов за восстановление мира в годы второй мировой войны⁵¹.

Другим существенным пороком указанных выше положений является то, что они не определяют территориальные права государств с той степенью точности, которая требуется исходя из императивных положений современного международного права. В частности, это относится к определению территориальных прав Советского Союза и Китая. Фиксируя утрату Японией права на Южный Сахалин, Формозу, Курильские, Пескадорские и другие острова, авторы статьи 2 мирного договора с Японией не отметили, к каким государствам перешли эти права⁵². В нарушение логики подобных решений и логики правовых отношений составители данной нормы не обозначили стороны возникших при этом территориальных отношений⁵³ и тем самым не сделали даже минимума того, что требовалось в этой ситуации в целях обеспечения условий, необходимых для выполнения международных обязательств. Они игнорировали предписания одного из важнейших принципов современного международного права и таким образом поставили под сомнение значимость правовой аргументации, которая используется сегодня против территориальных прав и интересов России.

Еще один немаловажный порок отмеченных выше решений заключается в попытке авторов проекта мирного договора с Японией определить содержание и характер территориальных обязательств государств, борющихся с этой державой, без учета заключенных до этого соглашений. Предлагая новую формулу определения статуса Южного Сахалина и Курильских островов, составители территори-

альных постановлений мирного договора не обратили внимание на то, что за несколько лет до этого договора в соответствии с соглашениями в Крыму, Берлине, а также в результате действий СССР, санкционированных исходя из статьи 107 Устава ООН правительствами государств, которые вели против Японии войну, территориальные изменения на север от Хоккайдо приобрели «юридическую силу». Иными словами, создатели проекта мирного договора в этом аспекте допустили весьма существенное отступление от требований принципа добросовестного выполнения международных обязательств, а также от положений статьи 104 Устава ООН и таким образом поставили под сомнение юридическую значимость указанных выше постановлений.

И наконец, последний недостаток Сан-Францисского договора, о котором нельзя не сказать. Дело в том, что из-за допущенных авторами проекта этого договора неточностей сегодня Япония «свободна» от многих обязательств, возложенных на эту державу в связи с подведением итогов войны. Коль скоро по условиям статьи 23 этого договора СССР и Китай не являются «союзниками» государств, воевавших с Японией в 1941—1945 годах, очевидно, что и договоры с их участием не могут быть названы соглашениями «союзных держав». И поскольку СССР и Китай принимали участие во всех отношениях, посвященных выработке международно-правовых основ послевоенного мира, получается, что статья 8 Мирного договора с Японией устанавливает ограничения, которые, согласно другим статьям этого договора, «на самом деле не существуют»⁵⁴.

Особенностью дискуссии по теме российско-японских территориальных отношений, подведения итогов второй мировой войны и близким к ним темам стало то, что они послужили импульсом для построения и развития весьма неоднозначных концептуальных схем и систем по наиболее общим проблемам международных отношений. Находясь в плену своеобразных политико-правовых представлений, некоторые политики и ученые в эпоху «подведения итогов» стали отстаивать концепции, полностью, по сути дела, порывающие с фундаментальными ценностями современного международного права. Мы имеем в виду, в частности, призывы «пересмотреть» результаты второй мировой войны и освободиться от «эмоционального» подхода к определению важнейших принципов международных отношений; идеи о международном правопорядке, свободном от «бремени» международной ответственности государств, когда между агрессором и его жертвой не проводится никаких существенных различий; суждения и выводы о каком-то новом, «третьестепенном» международно-правовом статусе народов, в особенности славян, которых иногда представляют как некое «исключение из общих правил», как тех, кто из-за «дефицита правосознания» и «слабой

рефлексии» на протяжении веков от Дуная до Амура все социально-политические проблемы решал только при помощи силы, кто грабил соседние народы, захватывая их земли, и т.д.; взгляды на международное сотрудничество как на отношения, которые строятся вне связи с требованиями суверенного равенства государств, по правилам осуществления международного диктата и т.д.⁵⁵

В свете этих идей и тенденций признание наивысшей ценности принципов и норм международного права и их последовательное соблюдение в отношениях между государствами во всех без исключения случаях становятся особенно необходимыми.

¹ См. Ю.Андреев, К.Черевко. Выдумка и правда о «северных территориях». — *Международная жизнь*. — 1983. — № 3; Е.Проخورов, Л.Шевчук. О территориальных претензиях Японии к СССР// *Международная жизнь*. — 1989. — № 1; И.Рогачев. Претензии, лишённые оснований// *Известия*. — 1989. — 24 апреля; С.М.Пунжин. СССР — Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»?//*Сов. государство и право*. — 1991. — № 7; Дж.Гинзбургс, И.И.Лукашук. Курильские острова и международное право// *Советский журнал международного права*. — 1991. — № 3—4; Г.Эллисон. Территориальный спор между Россией и Японией// *Известия*. — 1992. — 25 сентября; И.Латышев. Покушение на Курилы. — М., 1992; В.Еремин. Россия — Япония. Территориальная проблема: поиск решения. — М., 1992; О.Я.Бондаренко. Неизвестные Курилы. Серьёзные размышления о статусе Курильских островов. — М., 1992.

² См. О.Я.Бондаренко. Указ. соч. — С. 5—6; Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. СССР — Япония: есть ли выход из «территориального тупика»?// *Проблемы Дальнего Востока*. — 1991. — № 1. — С. 70, 72, 77; И.П.Блищенко. Международно-правовые основы обязательств государств и современность// *Международная жизнь*. — 1994. — № 1. — С. 107; Е.Проخورов, Л.Шевчук. Указ. соч. — С. 51—52.

³ См. Л.Оппенгейм. *Международное право*. — Т. 1, п/т. 1. — М., 1948. — С. 310; Д.Анцилотти. *Курс международного права*. — М., 1961. — С. 393; Ч.Ч.Хайд. *Международное право*. — Т. 3. — М., 1953. — С. 197; А.Фердросс. *Международное право*. — М., 1959. — С. 353; П.М.Курис. *Международное правонарушение и ответственность государства*. — Вильнюс, 1973. — С. 16; Ю.М.Колосов. *Ответственность в международном праве*. — М., 1975. — С. 21; Г.И.Тункин. *Теория международного права*. — М., 1970. — С. 457; Я.Броунли. *Международное право*. — Кн. 2. — М., 1977. — С. 77—83; Х.Аречага. *Современное международное право*. — М., 1983. — С. 403—470.

⁴ См. С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 115; О.Я.Бондаренко. Указ. соч. — С. 76; Интервью посла Японии в России Сумие Эдамура// *Проблемы Дальнего Востока*. — 1992. — № 4. — С. 6; Я.Накаоне. Взгляд на обстановку в к. ре после эпохи «холодной войны»// *Проблемы Дальнего Востока*. — 1993. — № 3. — С. 101.

⁵ См. О.Я.Бондаренко. Указ. соч. — С. 5, 231; В.Еремин. Указ. соч. — С. 27; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 115—116; Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 101.

⁶ Ссылаясь на «исторические и юридические факты», а также на близкие им представления о справедливости и законности в сфере международных отношений, некоторые авторы предлагают при этом «многоступенчатые» международно-правовые решения, которые, к сожалению, лишь увеличивают количество непростых вопросов. См., например, С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 118—119.

⁷ Отметим, что руководителям СССР данная норма международного права была известна. За несколько лет до этого они заявляли о том, что «Советское правительство, верное принципам равенства народов, всегда избегало и избегает заключения соглашений с какой-либо державой в отношении третьей страны без участия последней и вопреки ей». См. Документы внешней политики СССР. — Т. II. — М., 1966. — С. 706.

⁸ Это «государство», как известно, было создано в результате японской агрессии в Китае в 1932 году.

⁹ Согласно статье 2 советско-японского пакта, стороны должны были «соблюдать нейтралитет» в отношении международных войн. См. Внешняя политика СССР. Сборник документов. — Т. 4. — М., 1946. — С. 549—559.

¹⁰ См. Л.Оппенгейм. Указ. соч. — Т. 2, п/т. 1. — М., 1949. — С. 183; С.Б.Крылов. История создания ООН. — М., 1960. — С. 362.

¹¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. — Т. 4. — М., 1946. — С. 290—291.

¹² Эти действия правительства СССР дали основание для его обвинений в «предательстве» тех, кто в тот момент противостоял японской агрессии в Китае. См. Внешняя политика СССР. Сборник документов. — Т. 4. — С. 549—551; БСЭ. — Т. 15. — М., 1974. — С. 346; Дипломатический словарь. — Т. 2. — М., 1985. — С. 148; Л.Оппенгейм. Указ. соч. — Т. 2, п/т. 1. — М., 1949. — С. 178—179; Международные отношения на Дальнем Востоке. — Кн. 2. — М., 1973. — С. 176; Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945 гг. — М., 1973. — С. 29.

¹³ См. Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 101; Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 76; Интервью посла Японии в России Сумио Эдамура. — С. 4; Г.Эллисон. Указ. соч.; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 115.

¹⁴ См. Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — М., 1947. — С. 589; Внешняя политика СССР. Сборник документов. — Т. 3. — М., 1945. — С. 256—259, 266—269; Л.Оппенгейм. Указ. соч. — Т. 1, п/т. 1. — С. 364—367.

¹⁵ См. Внешняя политика СССР. Сборник документов. — Т. 4. — С. 303—310; Сборник документов. Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии. 1943—1945 гг. (далее: Сборник документов. 1943—1945 гг.). — М., 1947. — С. 23—24, 27, 53—54; История дипломатии. — Т. 4. — М., 1975. — С. 175.

¹⁶ Как уже отмечалось, принятие эффективных коллективных мер к нарушителям запрета на обращение к войне в качестве орудия националь-

ной политики для подавляющего большинства государств стало международным обязательством практически со времени ратификации «пакта Бриана — Келлога». В дальнейшем это обязательство получило свое подтверждение и развитие в таких международных документах, как Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г., Каирская декларация 1943 года, Предложения, выработанные в Думбартон-Оксе в 1944 году, Крымское соглашение 1945 года, а также Устав ООН.

¹⁷ Между тем группа авторов придерживается взглядов, что, поскольку главы правительств СССР, США и Великобритании своевременно не информировали Японию о содержании заключенного ими в Крыму в 1945 году соглашения, это соглашение «в силу его секретности» не может считаться актом, «обязательным для Японии». См. Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 70, 77; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 114.

¹⁸ См. Х.Кимура, К.О. Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 70; Интервью посла Японии в России Сумио Эдамура. — С. 4; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 118; Г.Элисон. Указ. соч.; В.Еремин. Указ. соч. — С.35; Дж.Гинзбургс, И.И.Лукашук. Указ. соч. — С. 68.

¹⁹ Отличной от тех решений, которые были приняты членами международного сообщества с 1943 по 1951 год.

²⁰ Глава советской пирамиды власти Н.С.Хрущев, в частности, полагал, что у Японии нет оснований для притязания на четыре южных острова Курильской гряды. См. выдержки из его мемуаров// Известия. — 1990. — 19 октября.

²¹ См. Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947 г. — июль 1951 г. (далее: Сборник нот и заявлений. 1947—1951). — М., 1951. — С. 7—35; Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954 гг. — М., 1954. — С. 56—76.

²² См. Л.Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. — М., 1962. — С. 508—522.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ См. Памятные записки Советского правительства правительству Японии//Правда. — 1960. — 29 января, 26 февраля и 24 апреля.

²⁶ Разделяя позицию Дж.Гинзбургса и И.И.Лукашука по этому вопросу, мы при этом полагаем, что в международном праве «юридические обязательства» — это не что иное, как сформулированные по правилам договорного права «обещания» государств следовать определенным правилам в их отношениях друг с другом. См. Дж.Гинзбургс, И.И.Лукашук. Указ. соч. — С. 68—69.

²⁷ В нем говорится о том, что «*претензии Советского Союза должны быть безусловно* (курсив мой. — В.Е.) удовлетворены».

²⁸ В декларации это положение передается словами «с тем, однако, что», которые, как известно, являются эквивалентом другого русского выражения — «при условии, что».

²⁹ С нашей точки зрения, хронологический характер имеет известное условие Крымского соглашения 1945 года — «после победы над Японией». Поскольку под словом «победа» на практике понимается тот слу-

чай, когда вооруженные силы противника прекращают сопротивление, то, очевидно, наступление этого момента в отношении японских вооруженных сил и было тем условием, о котором говорится в указанном соглашении. Поэтому позиция Е. Прохорова и Л.Шевчука по данному вопросу, несомненно, ближе к истине, чем позиция их критиков. См. Е.Прохоров, Л.Шевчук. Указ. соч. — С. 48; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 113—114.

³⁰ См. Л.Н.Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. — С. 508—522.

³¹ Эта норма закреплена в статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров.

³² См. Дж.Гинзбургс, И.И.Лукашук. Указ. соч. — С. 68, 70.

³³ Как известно, если государство заключило договор под влиянием обманных действий участника соглашения, оно вправе сослаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора. Это положение зафиксировано в статье 49 Венской конвенции о праве международных договоров.

³⁴ Правда. — 1960. — 26 февраля.

³⁵ Фактически эта борьба велась с начала 30-х годов и — не считая четырех лет войны — до 1960 года. См. Е.А.Коровин. Указ. соч. — С. 222; Сборник нот и заявлений. — С. 17—22; Сборник документов и материалов по Японии. — С. 55, 63.

³⁶ К тому же эта декларация не может рассматриваться в качестве полномочного международно-правового документа, поскольку высшие органы власти СССР, принимая решение относительно островов Хабомаи и Шикотан, превысили свои полномочия, распорядившись в нарушение принципа самоопределения наций достоянием народа своей страны.

³⁷ См. Интервью посла Японии в России Сумио Эдамура. — С. 4; Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 101; Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 70; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 118—119.

³⁸ Они составляют ведущую идею позиции многих японских политиков по вопросу о заключении мира с Россией. См. Интервью посла Японии в России Сумио Эдамура. — С. 4; Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 101; Дж.Гинзбургс, И.И.Лукашук. Указ. соч. — С. 66.

³⁹ Некоторые авторы наделяют им США и Великобританию. См. С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 114.

⁴⁰ Напомним, что Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Устав ООН 20 августа 1945 г. См. С.Б.Крылов. Указ. соч. — С. 246.

⁴¹ См. Г.И.Тункин. Указ. соч. — С. 465; Международное право в избранных документах. — Т. 2. — М., 1957. — С. 202.

⁴² См. статью 107 Устава ООН, а также решения Каирской, Крымской и Берлинской конференций.

⁴³ В данном случае имеются в виду конкретные международные проблемы и вопросы, а не сферы международных отношений.

⁴⁴ См., например, С.М.Пунжин. Указ. соч. — С. 107, 111, 114, 118—119; Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 101; Г.Эллисон. Указ. соч.

⁴⁵ Надо сказать, что аргументация, которая выдвигается в поддержку изменения существующего территориального размежевания, по своему содержанию и характеру дает возможность для предъявления России са-

мых различных территориальных притязаний. См. С.М.Пунжин. Указ. соч.; Г.Эллисон. Указ. соч.

⁴⁶ См. Л.Н.Кутаков. Внешняя политика и дипломатия Японии. — М., 1964. — С. 252; И.Латышев. Указ. соч. — С. 23—24.

⁴⁷ Не углубляясь в этот непростой международный вопрос, сошлемся на авторов, которые утверждают, что «у Китая и Кореи есть свои, аналогичные, территориальные споры с Японией». См. О.Я.Бондаренко. Указ. соч. — С. 242.

⁴⁸ См. Б.Н.Славинский. Сан-Францисская конференция 1951 года по мирному урегулированию с Японией//Проблемы Дальнего Востока. — 1994. — № 1. — С. 99; Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 79—80; С.М.Пунжин. Указ. соч. — С.116; Г.Эллисон. Указ. соч.; О.Я.Бондаренко. Указ. соч. — С. 230.

⁴⁹ На этом примере особенно ясно видно влияние логики холодной войны, ибо в иной международной ситуации представители этих же государств отстаивали другие принципы отношений между государствами. См. С.Б.Крылов. Указ. соч. — С. 15—17.

⁵⁰ С нашей точки зрения, это требование нашло свое отражение в статье 2 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой «употребление терминологии» относится к сфере регулирования договорного права. Исключения допускаются лишь в отношении «внутреннего права» государств, когда договорной терминологии «могут быть приданы» другие значения.

⁵¹ Отметим, что Советский Союз лишился статуса «союзного государства» на стадии подведения итогов войны, когда, как говорится, дело уже было сделано. До этого момента во всех важнейших документах конца второй мировой войны он именовался и рассматривался исключительно как «союзная держава». До конца лета 1951 года, даже приглашая советских дипломатов на мирную конференцию, политические руководители США, Великобритании и других государств применяли по отношению к нему лишь этот термин, отдавая должное усилиям его народа в борьбе за приближение конца мировой войны. См., например, Сборник документов. 1943—1945 гг. — С. 19, 23, 27, 58, 59, 65; Сборник нот и заявлений. 1947—1951 гг. — С. 48—58, 68, 76—77, 124.

⁵² Уже в то время политические руководители и дипломаты СССР, Индии и других государств считали необходимым внести поправки в статью 2 проекта договора, однако это ни к чему не привело. См. Сборник нот и заявлений. 1947—1951 гг. — С. 7—35; Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954 гг. — С. 14—15, 124; Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 85.

⁵³ В данном случае мы имеем в виду, что существующая редакция статьи 2 упомянутого договора, по крайней мере буквально, оставляет открытым вопрос о праве участников международного общения на Курильские острова и Южный Сахалин.

⁵⁴ В статье 8 говорится, что Япония признает «силу всех договоров, заключенных союзными державами... для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения союзных

держав (курсив мой. — В.Е.), заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира».

⁵⁵ См. А.С.Ахнезер. Россия: критика исторического опыта. — М., 1991. — С. 5, 14, 15; В.И.Батюк, Д.Г.Евстафьев. Геополитический контекст начала холодной войны: уроки для 90-х годов//США. Экономика. Политика. Идеология. — 1994. — № 10. — С. 85—95; С.Е.Благоволин, Д.М.Прозактор. Военная сила в масштабах истории//Военная сила. Размышления о ее свойствах и месте в современном мире. — М., 1992. — С. 12—14; И.П.Блищенко. Международно-правовые основы обязательств государств и современность//Международная жизнь. — 1994. — № 3. — С. 107—108; Выступление Ю.М.Бородай//Вопросы философии. — 1992. — № 6. — С. 21—24; Выступление М.Валконена//Международная жизнь. — 1994. — № 3. — С. 33; Выступление К.М.Кантора//Вопросы философии. — 1992. — № 6. — С. 5—7; М.А.Гареев. Об изучении Великой Отечественной войны// Новая и новейшая история. — 1992. — № 1. — С. 15; Интервью посла Японии в России Сумио Эдамура. — С. 5—6, 8; Х.Кимура, К.О.Саркисов, Б.Н.Славинский. Указ. соч. — С. 76, 78—79; Н.Косолапов. Россия: в чем все-таки суть исторического выбора?//Мировая экономика и международные отношения. — 1994. — № 10. — С. 6, 11, 14; Я.Накаоне. Указ. соч. — С. 99, 101; Д.М.Нельсон. Великие державы и международный мир// Международная жизнь. — 1993. — № 9. — С. 52—61; Л.Мизес, фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М., 1993. — С. 130—132; Б.Родоман. География и судьба России//Знание — сила. — 1993. — № 3. — С. 6—16; Э.Ю.Соловьев. Дефицит правопонимания как примета русской философской мысли//Вопросы философии. — 1988. — № 9. — С. 137—140.

Статья поступила в редакцию в мае 1995 года.